

Нынешнее время крайне странно. Кажется, вроде не осталось открытых адптов существования РФ как сырьевого придатка Запада и КНР. О необходимости развития промышленности говорят с самых высоких трибун. Но при этом само слово "индустриализация" не звучит. Что угодно: нанотехнологии, цифровизация, искусственный интеллект — но только не это. Такое впечатление, что бомонд страны просто коржёт от оного термина.

Но логика истории неумолима. На человечество накатывает мегакризис. Страшная ломка. Вопрос стоит так: либо мы проведём новую индустриализацию, либо умрём.

Максим КАЛАШНИКОВ

Новая индустриализация или нас сожмут!

БОЛЕЕ СОРОКА ЛЕТ НАЗАД покойный ныне футуролог Элвин Тоффлер доказывал: без своей промышленности — никуда. Если ты производишь мало конечных и сложных изделий, то лишаешься слева сильной науки и образования. Ведь именно реальный сектор больше всего требует новых разработок и технологий, а также отлично образованных людей. Толкая вперёд прикладную науку, промышленные отрасли (и, добавим, умный агропром) ещё и косвенно создаёт спрос на кадры, что куются в школах и университетах. Прикладные же исследования жадно требуют новых знаний и научных открытий, выступая триггером для развития фундаментальных изысканий в академических центрах. Так сказать, обеспечивают прямой коридор от астрофизики и огромных ускорителей элементарных частиц до заводских поточных линий. Та же микроэлектроника не развивается сама по себе: крохотные чипы требуются, прежде всего, в выпуске конечных изделий, будь то тракторы и комбайны "высокоточного земледелия" или умная бытовая техника.

Элементарный здравый смысл подсказывает: реальный сектор, наука и образование представляют собой единую "экосистему". И если выбить из неё промышленность и высокотехнологичное сельское хозяйство, то чахнут и гибнут начнут школы, вузы и научные центры.

Однако Тоффлер шёл дальше, доказывая: тот, что развил у себя архисовременное производство, в итоге превратится не только в очаг образования и науки мирового уровня, но и трансформируется в один из глобальных финансовых центров. Ибо банкиры направляются туда, где развиваются и футуристическая индустрия, и богатая научно-интеллектуальная жизнь; и возникает тьма обеспеченных людей.

Американский "будущевед" в 1980 году шёл резко против господствующего течения: тогда все сходили с ума по бредовой теории "постиндустриализма". Мол, производство — замшелое прошлое, драйверами роста отныне станут сфера услуг, финансы и "экономика впечатлений". Мы будем потреблять и придумывать новое, а всякие чумазые китайцы — производить. Минувли годы, и нынешний упадок Запада, его судорожные попытки реиндустриализации на фоне роста могущества Поднебесной, превращение Китая в главного соперника Америки стали лучшим подтверждением правоты умершего в 2016 году провидца.

А что же РФ? Её элита ковалась вместе с генеральной линией западной партии. В разномные 90-е, да и в значительной мере позже, остаток великой страны упорно дегали нефтегазовую периферию развитого и развивающегося мира (США, ЕС и КНР, Япония и Южная Корея, даже Турция), рождая химерические идеи вроде "энергетической сверхдержавы". Всё сводилось к банальшине: то, что нужно, купим за счёт доходов от вывоза сырья. И даже если что-то делаем, то комплектующие тоже приобретём на мировом рынке. Тем самым, мол, вписываясь в глобальные производственные цепочки. Что, как нам проповедовали, весьма современно, и не надо нам ретроградных концепций вроде максимального замещения импорта! Даже Мюнхенская речь В. Путина 2007 года, объявленная началом противостояния с Западом, мало что изменила. В РФ возникла порочная "двугорбая" экономика: мы производим оружие (за счёт нефтегазовых доходов) и гоним на внешний рынок сырьё. А если что-то и выпускаем помимо военной техники, то с огромной зависимостью от импортной составляющей.

Крах оного курса очевиден. РФ вот уже второе десятилетие пребывает в застое, реальные темпы роста и до ковидной лихорадки составляли "на кругу" 0,88% в год. Но разве элита сделала вывод? Нет. В числе приоритетов правительства индустриализация не стоит! Выдвинутые с 2018 года 13 нацпроектов проблем не решают: в них ничего не говорится ни о подъёме реального сектора, ни об активной промышленной политике, ни о покровительственной таможенно-тарифной системе (без коей немислим промышленный подъём), ни о том, чтобы обязать Центробанк отвечать ещё и за рост числа рабочих мест в стране.

Вот список прословутых национальных проектов: "Здравоохранение", "Образование", "Демография", "Культура", "Безопасные и качественные автомобильные дороги", "Жильё и городская среда", "Экология", "Наука", "Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы", "Цифровая экономика", "Производительность труда и поддержка занятости", "Международная кооперация и экспорт". Где же постановка Главной Задачи, вбирающей всё вышеуказанное, то есть — новой индустриализации? Всё лишь вокруг да около. Само слово как будто подвёрнуто негласной анафеме.

Чем это грозит?

Как пишет политэконом и финансовый спекулянт Ручир Шарма в своём недавнем труде "Взлёты и падения государств. Силы перемен в посткризисном мире", для силы и жизнеспособности стран важнее всего строить промышленность. Заводы.

Вложение денег в индустрию намного важнее, чем потребительские траты граждан. Ибо тем самым создаются новые компании и рабочие места. Опыт говорит: что лишь те государства, доля накоплений в ВВП коих составляет 25% и более, могут рассчитывать на годовой рост в 5-6% ежегодно в долге. Причём инвестиции должны идти именно в дело: в создание новых технологий, дорог и гаваней, в новые промышленные предприятия. "Даже сейчас, когда роботы угрожают вытеснить людей с конвейеров, никакой другой вид деятельности не показал той способности ускорять создание рабочих мест и экономический рост, какой в прошлом обладало производство", — пишет Р. Шарма.

Не хотите слушать русских интеллектуалов? Так внемлите иностранцу. Кто-то до сих пор не понимает, что лишь реальный сектор обеспечивает не только жизнь и развитие науки и образования, но и финансовую мощь нации? В пример приводится Япония. Начав с выпуска одежды и простых потребительских товаров, они затем построили отличную стапелитейную индустрию, судо- и автомобилестроение. А потом — и электронную промышленность мирового уровня.

По мере роста промышленности в городах возникают предприятия сферы обслуживания и фирмы для удовлетворения нужд среднего класса, растущего благодаря бурному развитию производства. Важно удержать высокую долю в ВВП, идущую на капиталовложения в реальный сектор. Ибо именно заводы и фабрики обеспечивают спрос на 80% научных исследований и разработок в частном секторе и отвечают за 40% роста общей производительности труда. А это даёт возможность поднимать реальные зарплаты, не взвинчивая цену конечных изделий. Нация богатеет и развивается.

Отсюда верно и обратное: угасание и угнетение реального сектора, падение инвестиций в заводы да инфраструктуру моментально ведут к упадку университетов, школ, науки. К обнищанию народа. К ослаблению финансовой системы. История РФ с 1991 года — тому ярчайшее подтверждение.

"В 2014 году из пяти ведущих стран по доле инвестиций в ВВП четыре страны — Китай, Южная Корея, Малайзия и Индонезия — входили и в ведущую пятёрку по доле промышленного производства в ВВП. Если исключить из рассмотрения маленькие страны, которым удалось вытасщить счастливым билет, открыв у себя месторождения нефти или газа, то большинство государств не смогли даже начать выбираться из нищеты без создания промышленного сектора в качестве исходного шага", — чеканит Ручир Шарма.

Большие вложения в реальный сектор дают доходы и увеличивают потребность в строительстве отличных автострад, мостов, железнодорожных магистралей, электросетей и систем водоснабже-

("замучаетесь пыль глотать, бегая по судам в попытках разморозить эти средства"), обратного прилива средств не наблюдается, во всяком случае, в желаемом объёме. Почему? Помимо отвратительного чиновного произвола и пародии на судебную власть (что грозит попросту охотой некоторых силовиков на "возвращенцев") есть ещё одна причина: миллиардам репатриантов попросту не находится применения. Куда их вкладывать, помимо добычи сырья? Там места переделены и заняты. Население в основном небогатое и бедное — внутренний спрос мал. Не хватает тех самых десятков миллионов современных высокооплачиваемых рабочих мест, каковые и могли бы обеспечить новая промышленная революция. Строить новые заводы и фабрики в РФ чаще всего невыгодно — всё забивает поток дешёвого импорта из Китая и Азии. Что производить-то, дабы вложенные деньги не пропали втуне?

Тут потребна действительно комплексная индустриализация, причём с необходимым дополнением — разумным протекционизмом. Да-да, с той самой покровительственной политикой, знакомой нам по "Толковому тарифу" Дмитрия Ивановича Менделеева. Когда вывоз из страны сырья облагается большими пошлинами, а экспорт готовых изделий — самыми малыми. Одновременно импорт в страну готовых изделий — по высокому таможенному тарифу, а ввоз сырья и нужных оборудования/комплектующих — по льготным ставкам.

Лишь при разумном протекционизме, де-факто нарушающем кабальные условия, навязанные нам при вступлении во Всемирную торговую организацию, в РФ возможна новая индустриализация. Причём, с политической повышением доходов народа — ибо это порождает отличный внутренний рынок сбыта для отечественного производства и предотвращает отлив средств из страны в страны-экспортёры готовых товаров. Естественно, всё это дополняется адекватной кредитно-финансовой политикой (длинные и недорогие ссуды для производителей и потребителей), налоговыми стимулами и суровой

Какие общественные комиссии нашего промышленного Собора-парламента нужны?

- Активной индустриальной политики, поддержки несырьевого экспорта и протекционизма.
- Реформы налоговой системы.
- Реформы кредитно-финансовой сферы.
- Преобразования ЖКХ.
- Активной агропромышленной политики.
- Топливо-энергетического комплекса.
- Государственных мегапроектов развития и протранственного планирования.
- Создания полноценной НИС — Национальной инновационной системы.
- Социальной политики и реальных доходов населения.

Кто должен входить в состав таких комиссий, между собою тесно взаимодействующих? Те самые (со всей Федерацией!) успешные промышленники-практики, представители передового агропрома, лидеры научно-технического предпринимательства, флагианы IT-сектора, транспорта, строительства, связи. Необходимы и представители реальных профессов. И непременно те, кто ближе к земле и народу: избранные мэры городов и губернаторы. Ведь они находятся на переднем крае и на себе чувствуют все последствия принимаемых в Москве решений. Да и имеющиеся на местах возможности для производства, агропрома и высокотехнологичного предпринимательства им ведомы куда лучше, нежели обитателям столичных кабинетов.

Предстоит сбросить им прозападного антипромышленного монетаризма-глобализма, сформировав курс на реальный национальный патриотизм в экономике.

Конечно, приведённый список комиссий такого "промпарламента" условен и может дополняться-видоизменяться по мере работы. Тут сама жизнь и реальное действие подскажут. Не исключая, что к делу следует подключать и белорусских коллег (у них есть немалый и полезный опыт несырьевого развития) — ибо, по сути, мы представляем из себя один хозяйственный организм.

Такая работа должна сопровождаться широкой общественной дискуссией. Одновременно общественные комиссии выступают и как кадровые резервуары. Ибо в них мы увидим подлинных технократов. То есть тех, кто реально возмывает сложные производства, идущие на острие научно-технического прогресса. А никак не "технократов" в трактовке нынешнего официоза, называющего так серых канцеляристов без идей и принципов. Российская

политикой государства по установлению (и соблюдению!) высоких стандартов качества.

Однако мы отлично помним, как российские власти регулярно мечут громы и молнии в протекционизм и ратуют за свободу торговли. Особенно в общении с вождями Китая, для коего РФ — прежде всего, рынок сбыта и источник сырья для китайского развития. И пока в нашем правительстве не откажутся от этого морoka, не изменят свою психологию, страна так и останется извергательницей своих денег во внешний мир. За наш счёт продолжат расти и процветать иные державы, не пленённые химерой "свободы торговли" и шествующие по пути откровенной покровительственной политики.

Огромные опасения вызывает то, что деповая элита в России складывалась именно как совокупность тех, кому отечественный реальный сектор (кроме ВПК) не нужен как класс. Ведь истеблишмент состоит из тех, кто живёт от добычи сырья и поставки его на внешний рынок (или имеет от этого свою долю), из торговцев импортом и ростовщиков. Для них появление сильных отрядов отечественных капитанов технологической сложной промышленности (индустрии высоких переделов) и работников таковых отраслей означает необходимость больших политических перемен. Решится ли на это бомонд РФ?

Но допустим, что нужные классово-психологические перемены произойшли, и возобладали воля: протекционистской индустриализации быти! Что придётся предпринимать дальше?

Очевидно, что силами одной государственной бюрократии тут не справиться. Слишком долго шёл "оборот наоборот" в прошедшее тридцатилетие. Не хватает в высших эшелонах руководства тех, кто смог реально поднять на мировой уровень своё несырьевое производство, не будучи при этом частью госкорпорации. А такие люди в стране есть, и они — золотой кадровый фонд. Тем более что многие из таких лидеров "высокопеределной" индустрии имеют дочерние предприятия в развитых странах, не понаслышке ведаю о современной промышленной политике в США, странах Евросоюза или Канаде. Они могут сравнивать то, как действует государство здесь и там, причём очень квалифицированно.

КАК МОЖНО ОРГАНИЗОВАТЬ создание, по сути, Нового курса для Российской Федерации?

Под эгидой главы государства необходимо сформировать общественные группы по нескольким направлениям. По сути — некий "индустриальный парламент". При этом в группах представители экономического блока правительства должны присутствовать минимально, больше как наблюдатели и делегаты с совещательным голосом. Почему? С 1992 года экономический блок возглавлял исключительно люди с прозападно неолиберальной ориентацией, с презрением и ненавистью относящиеся к отечественному производству. Со времён Ельцина, конечно, изменились в патриотическую и великодержавную сторону многие аспекты внутренней и внешней политики, но основы порочного курса в народном хозяйстве остались неизбывными. Никакого протекционизма, вписываемые в глобальные кооперационные цепочки, инфляция у нас — только монетарная, а русские по определению ничего хорошего произвести не могут. У нас есть тридцатилетний печальный опыт хозяйничанья постсоветской "жреческо-экономической" бюрократии. Потому их лучше поддерживать на привязи. Тем более что у многих чиновников ныне весьма сомнительный послужной список. Знаете, когда преобразования в гражданском авиастроении поручают бывшему мебельному торговцу и налоговнику, а формированию инновационной системы — экс-рекламщику и бывшему околоспортивно-футбольному деятелю, сие ни в какие ворота не лезет.

ДВИЖЕНИЕ К ГОРИЗОНТУ

Оренбургская мечта

"ВСЁ НА СВЕТЕ должно превосходить себя, чтобы быть собой" — сказал поэт. Нанесён ещё только первый штрих, а уже где-то живёт готовый портрет. Написана первая строка, а из неё неудержимо разрастается поэма. Освящён только фундамент храма, а в небе уже прозревается золотой купол, увенчанный крестом. Ещё идёт самоотверженная битва за Москву, а солдаты уже видят, как знамёна поверженного врага падают к подножию Мавзолея. Звучит "Марш авиаторов", а в нём раздаётся гагаринский космический клич "Поехали!"

Что-то всегда идёт впереди наших дел. Что-то влечёт нас, придаёт нам сил. Какой-то таинственный горизонт протлевает путь, протлевает жизнь всему благу, делает бессмертными наши труды и подвиги, делает зримым ещё не воплощённое. Это не цель, не проект, не замысел. Всё это конечно, всё это имеет своё завершение во времени и пространстве. Проект и замысел можно воплотить, целей можно достигнуть — и сдаться всё в архив, оставить в прошлом как не нужное ни грядущему, ни настоящему.

Есть нечто большее, устремлённое в бесконечность. Есть комета, своим мерцанием указующая направление, есть голубь, пролетающий своим полётом небесный путь для Ковчега. Это — мечта. Именно с неё начинается любое наше действие. Мечта — не праздность, не маниловщина, не мечтательность. Мечта — огромная сила, способная преобразовывать реальность. Это новый взгляд на всё, новый масштаб для всего, новые смыслы, новый язык. Мечта — это будущее в настоящем.

Все народы имеют свою мечту. Для многих это власть над миром, могущество, или богатство, или бесконечное веселье, при, карнавал. Русская же мечта — особая: жажда гармонии, созидания, справедливости. Русская Мечта — жертвенная, самоотверженная. Русская Мечта приближает землю к небу. В ней связуются века и поколения, в ней — один за всех и все за одного, один ради всех и все ради одного.

Но как описать эту Русскую Мечту? Как для неё — такой загадочной, неуловимой, неохватной — найти слова? Как разглядеть её в нашей многоликой культуре, как расслышать её в нашем многоголосом прошлом? Русская Мечта подобна мозаике, каждый фрагмент которой — то или иное воплощение русской мечты. Русская Мечта — это атлас, куда каждый регион входит со своей картой русской мечты. В этой совокупности региональных "мечт" Русская Мечта предстанет во всей полноте.

Оренбуржье — уникальная карта в атласе Русской Мечты. Эта карта часто не совпадает с географическими, административными, ландшафтными картами, потому что мечта не знает границ и легко преодолевает любые преграды.

Оренбургская мечта — это Аксаковский род с его мыслью семейной, с его благоговением перед природой, русской дорогой, с его любовью к уютному дому, с его памятью о пращурах. "Семейная хроника" и "Детские годы Багрова-внука" — книги об Оренбургской мечте. "Аленький цветочек" как воплощение любви, бескорыстия, жертвенности, душевной красоты — символ Оренбургской мечты. В Аксаковых, чья жизнь связана с Башкирией, Самарой, Ульяновском, Москвой, а также с Сербией и Болгарией, за независимость которых боролся Иван Аксаков — Оренбургская мечта обретает единение с другими регионами России и пространствами русского мира.

"Капитанская дочка" Пушкина — ещё один ключ к мечте нашего края. Это мечта о чести, бережённой смолду, мечта о выборе, продиктованном честью. Мечта о том, что сила русского духа, русская удаля обратится в русское дело, а не в русский бунт — "бессмысленный и беспощадный". Оренбургская мечта — это три благополучных осенних дня Пушкина на оренбургской земле, которая оказалась озарена "солнцем русской поэзии", одухотворена пушкинским словом, пушкинской поступью. Оренбургская мечта — это пушкинский маршрут, проложенный ради "Капитанской дочки" и "Истории Пугачёва". По этому маршруту, конечной точкой которого был Уральск, Оренбургская мечта устремляется за поэмой.

"Толковый словарь живого великорусского языка" Даля — тоже Оренбургская мечта. Именно на нашей земле начался словарь: здесь было записано для него первое слово. Отсюда словарь разросся до целой языковой вселенной с её пословицами, поговорами, диалектами, сказками и легендами, охватил все русские губернии. Словарь Даля — это мечта о бессмертии русского языка, о вечной жизни русской речи, о смыслах, передаваемых только этим языком, об исторической памяти, зашифрованной в языке, о связи с предками. Даль — Казак Луганский — это борец за русское слово, который за полтора века до нынешних событий в славянском мире предвидел, что будут те, кому за русский язык придётся воевать. Оренбургская мечта летит на помощь этим нынешним воинам, укрепляет их в борьбе.

Оренбургская мечта — это жажда высокого, звёздного неба. Это гагаринский порыв увидеть Землю такой, какой узрел её Бог в седьмой день творения. Оренбургский мечтатель — авиатор, ставший космонавтом, человек-гигант, обхвативший своими руками целую планету, озаривший своей улыбай все мир. Это тот, кто своим движением по звёздному пути не нарушил вселенскую гармонию.

В подвиге Александра Прохоренко Оренбургская мечта распростёрлась до самой Пальмиры. Мечта о подвиге, о справедливости. Наш земляк стаянул на себя силы тьмы. Наводя на противника авиаудар, он одолевал вселенскую тьму. Подвиг Прохоренко — это свет, развеваящий мрак. Этот свет озарился все мир. Этот свет разлился над оренбургской землёй, как сияние, что исходит от праведников.

Оренбургская мечта — это степь. Знойная, пьянящая ароматами, бескрайняя, безбрежная, будто океан. Степь и есть дно древнего, мифического океана, что шумел в ту пору, когда земля ещё не знала исторического времени, не знала человеческого летоисчисления. Степь помнит этот океан, потому колышущийся ковыль так похож на пенную волну, потому так часто кажется, что оренбургский ветер доносит плеск нездешней воды. Всё на свете боится времени, но время боится степи. Мечте угодна эта свобода от времени и пространства. Мечте просторно в степи. Мечта любит степь.

Дыхание мечты живёт в нашем пространстве. Оренбургскую мечту можно услышать в казачьих байках и преданиях, разглядеть в узорах пухового платка, угадать в фронтовых песнях на стихах Алексея Фатьянова. Для Оренбургской мечты дорог каждый уголок, каждый человек, каждое благое дело. Оренбургский мечтатель — это и директор крупного завода, и тихий труженик, занимающийся уникальным промыслом или рукоделием. Это общность людей, сплочённых работой ради милосердия, ради помощи обездоленным. Это идеи, рождённые на нашей земле и способные преобразить всю страну. Это меры межнационального и межконфессионального единения, братской любви.

Оренбургская мечта — наша "позитивная повестка дня". Оренбургская мечта одолевает уныние и скепсис, преумножает творческие силы, помогает отыскать единомышленников. Оренбургская мечта — образ всеобщего благоденствия. Его предстоит собирать, очерчивать, разгадывать.

Михаил КИЛЬДЯШОВ